

Дж.Г. Байрон

ШИЛЬОНСКИЙ
УЗНИК

Джордж Гордон Байрон Шильонский узник

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8876205

Шильонский узник: Фолио; Харьков; 2007
ISBN 978-966-03-3730-5

Аннотация

Вниманию читателей предлагаются блистательные поэмы и стихи великого английского поэта, герои которого бросали вызов обществу, мстили за зло и несправедливость, трагически переживали разлад с миром и с собой, но женщин любили самоабвенно и возвышенно.

Содержание

Шильонский узник	6
I	7
II	9
III	11
IV	13
V	14
VI	15
VII	16
VIII	18
IX	21
X	22
XI	25
XII	26
XIII	27
XIV	29
Абидосская невеста	31
Песнь первая	33
I	33
II	34
III	35
IV	37
V	38
VI	42

VII	43
VIII	44
IX	46
X	47
XI	50
XII	51
XIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

J. Byron

Джордж Гордон Байрон

Шильонский узник

Шильонский узник

Поэма

Перевод В. Жуковского

I

Взгляните на меня: я сед,
Но не от хилости и лет;
Не страх незапный в ночь одну
До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой,
Но не труды, не хлад, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостного дня,
Душа без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца —
За веру смерть и стыд цепей —
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть – пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины —
И двух сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себе на горе уцелел,

Чтоб их оплакивать удел.

II

На лоне вод стоит Шильон;
Там, в подземелье, семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет —
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло, одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим столь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И, рядом с мертвым, я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал —
И брат стал брату незнаком.
Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,
Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песнею войны —
Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал,
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремная стены;
Он не был звуком старины
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым!
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне как чужой.

IV

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат – любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых, как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне все – и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
Как утро, был он чист и жив:
Умом младенчески-игрив,
Беспечно весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V

Другой был столь же чист душой,
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок, в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял!
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас;
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков —
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильон Леманом окружен,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него биющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось – бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось – вихорь бушевал,
И содрогалася скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас:
Свободой был бы смертный час!

VII

Середний брат наш – я сказал —
Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда —
С тех пор как цепи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен
Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал —
Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинок;
Я близко был – и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,

Как он дышать переставал,
Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
В холодном лоне той земли,
На коей он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице, мнил я, мертвых сон
Не тих...» Но был ответ слезам
Холодный смех; и брат мой там
В сырой земле тюрьмы зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийц достойный мавзолеей.

VIII

Но он – наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он – образ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Он – для кого я жизнь щадил,
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпеньем ясным жребий свой;
Не я ему – он для меня
Подпорой был... Вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
Грустил, молчал и молча вял.
О боже! боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,

С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла;
Но *там* был страх – *здесь* скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смиренным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих.
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... Увы! он гас,
Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
Об упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытьи.
Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул...
Я цепь отчаянно рванул

И вырвал... К брату – брата нет!
Он на столбе – как вешний цвет,
Убитый хладом, – предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил —
Но в ней покой ужасный был,
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаем,
Что милому уже не быть!
И миг тот мог я пережить!
Не знаю – вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?

IX

Но что потом сбылось со мной —
Не помню... Свет казался тьмой,
Тьма – светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было – тьма без темноты;
То было – бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть – как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

Х

Вдруг луч внезапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я,
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычную пошла,
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде, бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был:
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песне той!
И все то было – про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел!

Как я, казалось, он скорбел
О брате, и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
Или, недавно от цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их?
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,
Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последняя земной
Святыни там не оскорбить.

XII

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако при ясном дне,
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

XIII

Я их увидел – и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание – снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов...
И я приметил островок:
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем,
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивалися нежней
Кругом родных берегов оне.

И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым – то к окну
Спускался он – то в вышину
Взлетал – за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был —
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб; казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжело ныла грудь —
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

XIV

День приходил, день уходил,
Шли годы – я их не считал:
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я – давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там все друг,
Все однодомец было мной:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы! —
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

Абидосская невеста

Досточуважаемому лорду Холланду

Эту повесть посвящает

С чувством истинного уважения

Его искренно благодарный друг

Байрон

Турецкая повесть

Перевод И. Козлова

Песнь первая

I

Кто знает край далекий и прекрасный,
Где кипарис и томный мирт цветут
И где они как призраки растут
Суровых дел и неги сладострастной,
Где нежность чувств с их буйностью близка,
Вдруг ястреб тих, а горлица дика?
Кто знает край, где небо голубое
Безоблачно, как счастье молодое,
Где кедр шумит и вьется виноград,
Где ветерок, носящий аромат,
Под ношею в эфире утопает,
Во всей красе где роза расцветает,
Где сладостна олива и лимон,
И луг всегда цветами испещрен,
И соловей в лесах не умолкает,
Где дивно все, вид рощей и полян,
Лазурный свод и радужный туман,
И пурпуром блестящий океан,
И девы там свежее роз душистых,
Разбросанных в их локонах волнистых?
Тот край – Восток, то солнца сторона!

В ней дышит все божественной красою,
Но люди там с безжалостной душою;
Земля как рай. Увы! Зачем она —
Прекрасная – злодеям предана!
В их сердце месть; их повести печальны,
Как стон любви, как поцелуй прощальный.

II

Собрав диван, Яфар седой
Сидел угрюмо. Вкруг стояли
Рабы готовую толпой
И стражей быть и мчаться в бой.
Но думы мрачные летали
Над престарелою главой.
И по обычаям Востока,
Хотя поклонники пророка
Скрывают хитро от очей
Порывы бурные страстей —
Все, кроме спеси их надменной;
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всем, что втайне он
Каким-то горем угнетен.

III

«Оставьте нас!» – Идут толпою. —

«Гаруна верного ко мне!»

И вот, Яфар наедине

Остался с сыном. – Пред пашою

Араб стоит: – «Гарун! Скорей

Иди за дочерью моей

И приведи ко мне с собою;

Но пережди, чтоб внешний двор

Толпа военных миновала:

Беда тому, чей узрит взор

Ее лицо без покрывала!

Судьба Зулейки решена;

Но ты ни слова; пусть она

Свой жребий от меня узнает».

«Что мне паша повелевает,

Исполню я». Других нет слов

Меж властелина и рабов.

И вот уж к башне отдаленной

Начальник евнухов бежит.

Тогда с покорностью смиренной

Взяв ласковый и нежный вид,

Умильно сын к отцу подходит

И, поклонясь, младой Селим

С пашою грозным речь заводит,

С почтеньем стоя перед ним.

«Ты гневен, но чужой виною,
Отец! Сестры не упрекай,
Рабыни черной не карай...
Виновен я перед тобою.
Сегодня раннею зарей
Так солнце весело играло,
Такою светлою красой
Поля и волны озаряло,
Мой сон невольно от очей
Бежал; но грусть меня смущала,
Что тайных чувств души моей
Ничья душа не разделяла;
Я перервал Зулейки сон, —
И как замки сторожевые
Доступны мне в часы ночные,
То мимо усыпленных жен
Тихонько в сад мы убежали, —
И рощи, волны, небеса
Как бы для нас цвели, сияли,
И мнилось: наша их краса.
Мы день бы целый были рады
Вдаваться сладостным мечтам,
Междуна сказки, песни Сади
Еще милей казались нам, —
Как вещей грохот барабана
Мне вдруг напомнил час дивана, —
И во дворец являюсь я:
К тебе мой долг меня приводит.
Но и теперь сестра моя —

Задумчива – по рощам бродит.
О, не гневись! Толпа рабов
Гарем всечасно охраняет,
И в тихий мрак твоих садов
Лукавый взор не проникает».

IV

«О сын рабы!» – паша вскричал:
«Напрасно я надеждой льстился,
Чтоб ты с годами возмужал.
От нечестивой ты родился!
Иной бы в цвете юных дней
То борзых объезжал коней,
То стрелы раннею зарею
Бросал бы меткою рукою,
Но грек не верой, грек душой,
Ты любишь негу и покой,
Сидишь над светлыми водами
Или пленяешься цветами;
Ах! признаюсь, желал бы я,
Чтоб, взор ленивый веселя,
Хотя б небесное светило
Твой слабый дух воспламенило!
Но нет! Позор земли родной!
О! если бурною рекой
Полки московитян нахлынут,

Стамбула башни в прах низринут
И разорят мечом, огнем
Отцов заветную обитель!
Ты, грозной сечи вялый зритель,
Ты лен пряди, – и стук мечей
Лишь страх родит в душе твоей;
Но сам ты мчишься за бедою;
Смотри же, чтоб опять с тобою
Зулейка тайно не ушла!..
Не то – вот лук и вот стрела!»

V

Уста Селимовы молчали;
Но взор отцов, отцова речь
Убийственной, чем русский меч,
Младое сердце уязвляли.
«Я сын рабы? Я слаб душой!
Кто ж мой отец?.. Давно б иной
Пал мертвый за упрек такой».
Так думы черные рождались,
И очи гневом разгорались,
И гнева скрыть он не хотел.
Яфар на сына посмотрел —
И содрогнулся... Уж являлась
Кичливость юноши пред ним;
Он зрит, как раздражен Селим

И как душа в нем взбунтовалась.
«Что ж ты ни слова мне в ответ?
Я вижу все: – отваги нет,
Но ты упрям, а будь ты смелый
И сильный, и годами зрелый,
То пусть бы ты свое копьё
Переломил – хоть о мое».
И взгляд презренья довершает
Паши насмешливый укор;
Но дерзкий вид, обидный взор
Селим бесстрашно возвращает, —
Сам гордо на него глядит,
Гроза в очах его горит,
И старец взоры опускает,
И с тайной злобою молчит.
«Он мне рожден для оскорбления,
Он мне постыл со дня рожденья,
Но что ж? – Его без силы длань
Лишь серну дикую и лань
Разит на ловле безопасной;
Его страшиться мне напрасно.
Ему ли с робкою душой
За честь лететь на страшный бой?
Меня кичливость в нем смущает,
В нем кровь... чья кровь?.. Ужель он знает?..
В моих очах он, как араб,
Как в битвах низкий, подлый раб;
Я усмирю в нем дух мятежный! —
Но чей я слышу голос нежный?..

Не так пленителен напев
Эдемских светлооких дев.
О, дочь! Тобою жизнь яснее.
Ты матери своей милее, —
С тобою мне, под сумрак лет,
Одне надежды, горя нет;
Как путника в степи безводной
Живит на солнце ключ холодный,
Так веселит взор жадный мой
Явленье пери молодой.
Какой поклонник в поднебесной
Перед гробницею чудесной
Пророка пламенной молил!
Кто так за жизнь благодарил,
Как я за дочь, мою отраду,
Его прекрасную награду?
Дитя мое... О, сладко мне
Благословенье дать тебе!»

VI

Пленительна, светла, как та мечта живая,
Которая с собой несет виденья райа
Страдальцам горестным, призраков
полным снам,
И радуется тоску, что встреча есть сердцам,
Что в небе отдана отрада нам земная,
Мила, как память той, чей свят
бесценный прах,
Чиста, как у детей молитва на устах —
Была Яфара дочь. — Заплакал вождь
угрюмый,
Когда она вошла, и не от мрачной думы.
Кто сам не испытал, что слов на свете нет —
Могучей красоты изобразить сиянье?
Предстанет ли пред кем? В душе очарованье
Бледнеет, и в очах затмится божий свет,
И, сладостно томясь, веселый и унылый,
Он сердцем признает всю власть
чудесной силы.
Зулейка так блестит той прелестью молодой,
Которой имя нет, безвестной ей одной,
Невинностью цветет, любовью пламенеет,
И музыка у ней с лица как будто веет,
И сердце нежное льет жизнь ее красам.
А взор? — О, этот взор — он был душою сам!

Она вошла – главу склонила
И руки белые крестом
На перси чистые сложила, —
И перед сумрачным отцом
С улыбкою смиренной стала,
И на плечо к нему припала,
И белоснежную рукой
Приветно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфар немой,
Унылый, – дело начатое
Уже готов был отменить;
Яфар боялся погубить
Ее веселье молодое;
Он чувством был прикован к ней:
Но гордость в нем всех чувств сильней.

VII

«Зулейка – сердца утешенье!
Тебе сей день докажет вновь
Мою отцовскую любовь;
С тобой мне тяжело разлученье;
Но я, забыв печаль мою,
Тебя в замужство отдаю;
Жених твой славен, – меж военных
Он всех храбрей; Осман рожден
От древних, доблестных племен,

От Тимарьетов неизменных,
Никем, нигде непобежденных;
И словом, я тебе скажу,
Он родственник Пасван-оглу.
До лет его какое дело!
Не юноши искал я сам;
Тебе ж приданое я дам,
Которым ты гордися смело.
Когда ж все будет свершено, —
И наши силы заодно,
То посмеемся мы с Османом
Над жизнь отъемлющим фирманом:
Лишь головы не сбережет,
Кто в дар снурок к нам привезет.
Теперь моей внимая воле,
Послушна мне, ему верна,
Уже ты с ним искать должна
Любви и счастья в новой доле».

VIII

И дева юною главой
Безмолвна робкая поникла.
И весть разящею стрелой,
Казалось, грудь ее проникла.
В смятенье тяжком и немом
И чувствам воли дать не смея,

Она стояла пред отцом
Бледна, как ранняя лилея;
И вздох прокрался, – на щеках
Зарделись девственные розы
И на потупленных очах
Невольно навернулись слезы.
Что может, что с твоей красой,
Румянец девственный, равняться!
И жалость нежная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что может так пленять,
Как слезы красоты стыдливой!
Их жаль самой любви счастливой
Лобзаньем страстным осушать!
Но уж о том, как с ней одною
Селим в саду гулял зарею,
Иль не хотел, иль позабыл,
Яфар совсем не говорил. —
Он трижды хлопает руками,
Чубук в алмазах с янтарями
Рабам вошедшим отдает;
Уж конь его арабский ждет,
Он бодро на него садится,
И в поле чистое летит —
Смотреть воинственный джирид;
Пред ним, за ним несется, мчится
Дельгисов, мамелюков рой
И черных мавров легкий строй;
Готовы дротики тупые,

Кинжалы, сабли уж блестят;
Туда все скачут, все летят,
Лишь у ворот неподкупные
Татары на часах стоят.

IX

И подгорюнясь, думы полный,
На синие морские волны
Угрюмый юноша взирал:
Меж Дарданелл они сверкали,
Струились тихо и плескали
В излучинах прибрежных скал;
Но он, унылый, не видал
Ни моря с синими волнами,
Ни поля с дальними холмами,
Ни чалмоносцев удалых,
Стремящихся перед пашою
Шум грозный сечей роковых
Представить бранною игрою;
Не видит он, как к облакам
Их кони вихрем прах взвывают,
Как сабли острые мелькают
И как с размаха пополам
Чалмы двойные рассекают;
Не слышит он, как громкий крик
За свистом дротиков несется,

И как в долине раздается:
Алах! Алах! Их дикий клик;
Душа полна мечтой одною —
Яфара дочерью младою.

Х

Задумчиво сидел Селим,
Печален, бледен, недвижим, —
И сквозь решетки он безмолвно
Взор мрачный в поле устремлял...
Вздыхнула дева, вздох невольно
Ее все думы рассказал.
Такой внезапно грозою
Душа Зулейки смущена;
Ах, разной с ним, но и она
Уже волнуется тоской
В любви младенческой, живой:
У ней так нежно сердце билось;
Но вдруг теперь в груди младой
Невнятно что-то пробудилось,
Какой-то стыд, какой-то страх,
И речь немеет на устах;
И можно ль долго ей таиться?
И как начать? И в чем открыться?
«Что может так его томить?
Зачем ему меня чуждаться?»

Не так мы с ним привыкли жить,
Не так нам должно расставаться!»
И вот нарочно вокруг него
Прекрасная в раздумье ходит:
А он и взора своего
Уже на деву не возводит.
Но что ж – кувшин в углу блестит
С персидской, розовой водою;
Она к ней весело летит,
И плещет легкою рукою
На стены мраморны с резьбою,
На златотканые ковры,
Восточной роскоши дары;
Потом на милого взглянула;
К нему бросается стрелой, —
И вдруг душистою водой,
Резвясь, на юношу плеснула;
Но он не слышит, не глядит,
И под одеждой парчевою
Вода душистая бежит
Студеною по нем струею,
А он не чувствует. – Селим
Сидит, как мрамор, недвижим.
«Он все молчит, тоской томимый;
Но разгоню его мечты...
Бывало, он любил цветы,
И я ему цветок любимый
Сама сорву, сама подам».
И дева кинулась к цветам,

Весельем детским оживилась.
И роза мигом сорвана —
И вот бежит, и вот она
У ног Селима очутилась.

«...»

«Любовник розы – соловей
Прислал тебе цветок свой милый;
Он станет песнею своей
Всю ночь пленять твой дух унылый.

«...»

Он любит петь во тьме ночей, —
И песнь его дышит тоскою;
Но с обнадеженной мечтою,
Споет он песню веселей.

«...»

И с думой тайною моей
Тебя коснется пеня сладость,
И напоет на сердце радость
Любовник розы – соловей».

XI

«Но ты цветка не принимаешь,
И гнев на горестном челе, —
Уж ты со мною не играешь!
Скажи, кому ж ты мил, как мне?
О, мой Селим! О, сердцу милый!
Меня страшит твой взор унылый,
Ужель меня ты разлюбил?
Ах! Если выдумкой напрасной
Твоей тоски не усладил
И соловей мой сладкогласный, —
На грудь ко мне склонись, склонись.
Вот поцелуй – развеселись!
Родитель грозный мой с тобою,
Я знаю, и суров и строг;
Но ты к нему привыкнуть мог,
И как за то любим ты мною!
Увы! Не то ль крушит тебя,
Что замуж выдают меня?
Осман, жених мой нареченный,
Он, может быть, он недруг твой!
Клянусь же Меккою святой,
Клянусь любовью неизменной,
Когда не ты велишь мне сам,
Султану я руки не дам!
Ужель, Селим, тебя лишиться

И сердцем мне с другим делиться?
О! Если б что, какой судьбой,
Меня с тобою разлучило, —
Кто будет друг – хранитель мой.
И быть кому твоею милой?
Не бил и не пробьет для нас
Ужасный расставанья час!
Сам Азраил, явясь пред нами,
С колчаном смерти за плечами,
Стрелой одною нас сразит
И в прах один соединит!»

XII

Он ожил, дышит, зрит, внимает;
Он деву тихо поднимает,
Печали нет, исчез укор.
И вся душа в очах сверкает, —
И думы тайной полон взор.
Как спертый дубами
Поток, разъярясь,
Бушует волнами,
В долину стремясь;
Как ночью зарницы
Из тучи блестят, —
Сквозь темны ресницы
Так очи горят.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни лев, уязвленный
Внезапной стрелой,
Ни варвар, смятенный
Полночной порой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.

Как он, в пылу любви мятежной,
Дрожал при клятве девы нежной,
И все, что думал, что таил,
В порыве пламенном открыл:
«Моя, и будешь ты моею!
Моя и здесь, моя и там!
Мы клятвой связаны твоею,
Она свята обоим нам;
Ту клятву, верь, – ее внушила
Тебе таинственно любовь.
Не знаешь ты, какую кровь
Она одна остановила!
Но не бледней – тобой, в тебе
Все мило, все священо мне.
Я всех сокровищ драгоценных,
У Истакара сокровенных
В пещерах глубоко в земле,
За кудри не возьму молодые,
Небрежно в кольца завитые
На девственном твоём челе.

Как страшно тучи надо мною
Сегодня грянули грозою...
Мне смел сказать родитель твой,
Что вял и робок я душой,
Что будто я рожден рабой...
Теперь узнает он, надменный,
Кто сын рабы его презренной!..
Увидит он, таков ли я,
Чтоб мог он утрашить меня!
И по тебе, быть может, снова
Я назову его отцом.
Но о сердечном, о святом
Обете нашем ты ни слова.
Известен мне коварный бей...
Он смел искать руки твоей!
Его чины, его именья, —
Плоды неправды, ухищренья.
Он с Негропонтских берегов,
Не лучше родом он жидов.
Но знай, судьба не так сурова,
Лишь тайной клятвы не открой,
А спор ему иметь со мной!
Уж месть на черный день готова —
Есть и кинжалы, и друзья...
И ты не ведаешь, кто я».

XIII

«Кто ты? О! Что ж ты изменился?
Давно ль румяная заря
Веселым видела тебя,
И вдруг тоскою омрачился;
Ты знал, нельзя любви моей
Ни охладеть, ни быть живей;
Дышу надеждою одною
Твой взгляд, улыбку, речь ловить,
Тобою сердце веселить,
И жить, и умереть с тобою.
И, может быть, ночную тень
За то одно я ненавижу, —
Что лишь когда сияет день,
Селима я свободно вижу;
Целуй меня, целуй, целуй
В уста, и в очи, и в ланиты!
Но, ах! Он жжет – твой поцелуй,
Пылает в нем огонь сокрытый;
Уж и меня объемлет страх,
Я вся дрожу и пламенею, —
И стелется туман в очах, —
И чувствую, что я краснею.
Хочу я нежностью живой
Лелеять милого покой,
С ним разделять и жизнь, и сладость,

И бедность весело сносить!..
С тобой во всем найду я радость,
Лишь бы тебя не пережить...
О, нет, нельзя желать Селиму
Еще нежнее быть любиму.
Любить нежней могу ли я!
Но ты и взором, и речами
Наводишь ужас на меня!
Что за кинжалы, за друзья?
Какая тайна между нами?
И клятву наших двух сердец
Хотя б узнал Яфар угрюмый,
Уж над моей сердечной думой
Не властен грозный мой отец.
Но верь, Селим, моей надежде —
Не приневолит он меня!
Могу ль я не любить тебя,
Тебя, кого любила прежде?
С тобою вместе детских дней
Часы веселые летели,
С тобой играла в колыбели, —
Ты спутник младости моей.
Что ж хочешь ты, чтоб мы таились
В любви прекрасной и святой,
Невинной нашею мечтой,
Которой прежде мы гордились?
Законы наши, вера, бог

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.